

Т.Г.Иванова.

Удмуртские сказки в научных интересах Д.К.Зеленина

Фольклор и этнография удмуртского народа в научных интересах Д.К.Зеленина (1878–1954) занимали заметное место. Уроженец с. Люк Сарапульского уезда Вятской губернии, он с детства был знаком с культурой и бытом удмуртов, или как называли в дореволюционной России этот этнос – вотяков. В XIX веке удмурты населяли юго-восточную часть Вятской губернии (Глазовский, Елабужский, Сарапульский и отчасти Слободской уезды). Естественно, в своих трудах Д.К.Зеленин не мог пройти мимо устной традиции этого народа.

В знаменитом сборнике Д.К.Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» (СПб., 1915) на титульном листе есть примечание: «С приложением шести вотяцких сказок». Внимательное знакомство со сборником заставляет нас уточнить названную цифру и осмыслить причину публикации удмуртских сказок в одном ряду с русскими текстами. Вятский сборник Д.К.Зеленина – во многом труд, отражающий коллективную работу многих собирателей. Их вклад в создание этого классического сказочного собрания, пусть и довольно скромный, должен быть по справедливости оценен наряду с работой самого Д.К.Зеленина. Скажем несколько слов о собирателях, предоставивших Д.К.Зеленину материалы удмуртских сказок.

Первое лицо – это Николай Николаевич Блинов. Н.Н.Блинов был заметной фигурой в истории Вятского края. Он родился 7 октября 1839 года, окончил Вятскую духовную семинарию, получил сан священника и начал служение на духовном поприще в Глазовском уезде. Однако истинным призванием Н.Н.Блинова была педагогика. По своим убеждениям он был типичным «шестидесятником», остро осознававшим свой долг перед народом. Попав в регион, где жили вотяки (удмурты), Н.Н.Блинов посчитал необходимым выучить их язык и в 1867 году издал первую удмуртскую азбуку «Лыздон». Передовые взгляды Н.Н.Блинова вызвали недоброжелательное отношение царских властей. В 1875 году у него на квартире был произведен обыск, как священник он был «выведен за штат». Только в 1879 году Н.Н.Блинову удалось определиться сверхштатным священником в Сарапул^[i].

Д.К.Зеленин был знаком с Н.Н.Блиновым и относился к нему и его трудам с большим уважением. На исследования Н.Н.Блинова о вотяках он ссылается, например, в своей работе «Кама и Вятка»^[ii], Д.К.Зеленин находился с Н.Н.Блиновым в переписке. В архиве ученого сохранились шесть писем Н.Н.Блинова за 1908–1916 годы. В это время, будучи уже в преклонном возрасте, Н.Н.Блинов проживал в Сарапуле и периодически сообщал Д.К.Зеленину, что происходило на его родине. 5 февраля 1916 года, получив от Д.К.Зеленина в подарок том «Великорусских сказок Вятской губернии», Н.Н.Блинов писал: «Только собрался писать Вам, как получил Ваши книги. Сердечное спасибо за сказки и великое поздравление и с академической премией, и с оборудованием тома сказок! Горжусь Вяткой, которая дает таких тружеников» (Архив Академии наук, ф. 849, оп. 3, № 85, л. 8).

В сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» в разделе вотяцких сказок Д.К.Зеленин перепечатал текст, опубликованный Н.Н.Блиновым в 1865 году в его статье «Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда»^[iii]. Эта сказка (№ 139) представляет собой своеобразную версию сюжета СУС (531) (Конек-горбунок)^[iv]. Здесь герой относится к типу «высоких» образов (Иван Золотоусый); мотив его «дурости» отсутствует; в сказке нет также образа чудесного коня, помощником героя в добывании

перстня становится птица Пав, птенцов которой он спас. Следует сказать, что непосредственное обращение к статье Н.Н.Блинова заставляет нас усомниться, что данный текст относится к удмуртской сказочной традиции. С определенной долей вероятности он может быть и пермяцкой сказкой. Дело в том, что в своей статье автор недостаточно четко разграничивает устные традиции двух названных народов, живших по соседству в Глазовском уезде.

Более понятна ситуация с записями Трофима Кузьмича Борисова, помещенными в сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» (№ 134–138). Т.К.Борисов впоследствии также стал значимым лицом в Вятском крае. Он родился 19 ноября 1891 года в деревне Кизяково Елабужского уезда (ныне: Алнашский район Удмуртии) в крепкой крестьянской удмуртской семье. Получив начальное образование в родной деревне, он затем учился в Елабужском городском училище. В ранней юности Т.К.Борисов служил рассыльным в одной из торговых фирм Елабуги; фирма и отправила мальчика в Казанское техническое училище. В 1912 году Т.К.Борисов экстерном сдал экзамены за гимназический курс и поступил учиться на историко-филологический факультет Петербургского университета. На следующий год юноша перешел на медицинский факультет Московского университета, а затем – в Казанский университет. Весной 1916 года Т.К.Борисов был направлен на фронт. Февральскую революцию, свегнувшую царя, молодой представитель нарождающейся удмуртской интеллигенции, естественно, встретил восторженно. В июне 1917 года он вступил в партию большевиков, участвовал в гражданской войне, устанавливая Советскую власть в Удмуртии; был председателем Елабужского уездного исполкома, председателем ревкома. В дальнейшем он работал на разных руководящих должностях в Удмуртии, Калмыкии, Коми автономной области, в Подмоскowie.

14 января 1933 года Т.К.Борисов был арестован. Обвинение было стандартным: участие в контрреволюционной шпионско-террористической организации. С 1936 года заключение он отбывал в Алма-Ате, а затем с 1938 года жил в Кустанае. В 1940 году последовал второй арест. Скончался Т.К.Борисов 4 июня 1943 года[v].

В 1910-е годы, будучи студентом, Т.К.Борисов совершил несколько этнографических экспедиций, нацеленных на изучение говоров и народной культуры удмуртов. Архивные документы свидетельствуют, что Д.К.Зеленин принимал в судьбе удмуртского студента самое непосредственное участие. Так, в одной из своих записок 1914 года, отложившихся в Архиве Академии наук в личном фонде председателя Отделения русского языка и словесности академика А.А.Шахматова, он дает характеристику Т.К.Борисову и просит оказать материальную поддержку его поездке в Вятский край: «Студент С<анкт>-П<етер>б<ургского> (теперь Казанского) университета Тро<фим> К<узьмич> Борисов, природный вотяк, записал для Геогр<афического> общ<ества> летом 1913 г. в Елабужском у. Вятской губ. 7 сказок, 312 песен, 86 загадок, 59 примет и 30 рецептов народной медицины на вотяцком языке в транскрипции проф<ессора> Вихманавi[vi].

Борисов просит:

- 1) послать образец его записи проф<ессору> Сэтэлэвii[vii] для отзыва [внизу листа: Я с своей стороны считаю работу г.Борисова достойной награждения малою серебряною медалью],
- 2) предложить его работу вниманию медальной комиссии,

3) выдать ему от Общества летом 1914 г. 100–150 рублей для изучения вотяцких говоров Вятской губ. на предмет составления диалектологической вотяцкой карты [внизу листа: На всякий случай эту сумму надо внести в смету подкомиссии по языку]» (ААН. Ф.134. Оп.2. № 41. Л.1).

В том же Архиве Академии наук в фонде Д.К.Зеленина находится единственное письмо Т.К.Борисова к ученому, позволяющее несколько уточнить обстоятельства появления сказочных записей молодого представителя удмуртской интеллигенции в сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии». Письмо датируется 17 мая 1914 года и написано из Казани в Петербург. В мае 1914 года Т.К.Борисов, по-видимому, был полностью поглощен этнографическими проблемами. Он радовался, что получил, опять-таки при поддержке Д.К.Зеленина, командировку от Русского географического общества в Вятскую губернию для изучения этнографии и быта вотяков. В Казани студент заводит знакомства в научной среде. «С казанскими учеными, – сообщает он Д.К.Зеленину, – я все ближе и ближе знакомлюсь. На днях о командировке Геогр<афического> Общ<ества> сообщил Катановуviii[viii], и он обещал мне выхлопотать субсидию для закупки вотяцких вещей для представления Каз<анскому> гор<одскому> музею. В Совете музея Катанов, говорят, очень влиятельный и его голос является решающим. Поэтому думаю, что мне дадут деньги и я постараюсь представить как можно больше вещей. К моему удивлению, в Каз<анском> гор<одском> музее, оказывается, вотяцкого абсолютно ничего нет» (ААН. Ф. 849. Оп. 3. № 95. Л. 3).

Из письма также следует, что уже в этот период Т.К.Борисов работал над переводами на русский язык вотяцких сказок, записанных им летом 1913 года. «Сказки же в русском переводе я едва ли успею прислать к 1 июня, – пишет он Д.К.Зеленину, вероятно, торопящему его с этой работой. – Торопиться не хочется, а если не торопиться, не успею. К 1-му августу обязательно пошлю как старые, так вновь записанные» (Там же. Л. 3 об.).

Фольклорно-этнографическая коллекция Т.К.Борисова, по-видимому, была весьма значительной. В фонде А.А.Шахматова находятся некоторые из собранных Т.К.Борисовым материалов: его переводы на русский язык вотяцких песен (ААН. Ф. 134. Оп. 2. № 41. Л. 4–11); записи сказок на удмуртском языке (Л. 12–22; беловая рукопись); записи народных медицинских рецептов (Л. 23–25). Экспедиционные материалы, собранные Т.К.Борисовым в 1913 и 1914 годах, нашли место не только в собрании Д.К.Зеленина. В 1929 году Т.К.Борисов издал собственный сборник «Песни южных вотяков»ix[ix], в котором также были использованы записи его студенческих лет.

Пять удмуртских сказок, предоставленных Т.К.Борисовым в сборник Д.К.Зеленина, представляют собой следующие сюжеты. Текст № 134 – контаминация сюжетов СУС 567 «Чудесная птица» + 566 «Рога»; № 135 – соединение сюжетов СУС 1542 II «Шутки дома оставил» + 1525 D «Ловкий вор обманывает прохожих» + 1539 «Шут» + 1535 «Дорогая кожа»; № 136 – СУС 552 А «Животные зятя» + 554 «Благодарные животные»; № 137 – СУС 1537 «Мертвое тело»; № 138 – СУС 675 «По щучьему веленью».

Помимо записей Н.Н.Блинова и Т.К.Борисова, в зеленинском сборнике имеются и другие тексты, в которых мы вправе заподозрить их нерусскую природу. Во-первых, это сказка № 133, записанная Н.Н.Блиновым. Д.К.Зеленин этот текст помещает в разделе русских сказок. Однако сказка первоначально напечатана внутри статьи Н.Н.Блинова «Иногородцы северо-восточной части Глазовского уезда», что заставляет нас рассматривать ее как образец или вотяцкой, или, скорее, пермяцкой сказочной традиции. Сказка № 133 строится на контаминации сюжетов СУС 1651 А (Соль) + 485 В* (Сила хмеля): младший брат в одном городе, в котором не знают лаптей, удачно меняет лапти на соль, а в другом

городе, где не знают вкуса соли, выгодно продает соль; брошенный завистливыми братьями в море, герой спасается при помощи медведя, который довозит его до дома, но не велит говорить о том, как тот добрался до своей земли; в хмелю герой проговаривается, а затем показывает рассерженному медведю силу хмеля.

Контаминация эта традиционна для русской сказочной традиции. Однако в статье Н.Н.Блинова данному тексту предшествует следующее замечание собирателя, заставляющее нас предположить нерусское происхождение этой сказки: «Здесь *инородцы* (курсив наш. – Т.И.) носят лапти не просто, как русские крестьяне, а вплетают в подошву бересту и подшивают внутри холстиной, которая из-под лаптя выставляется на полчетверти и по верхнему краю обшивается красным плетеным поясом, которым вместо веревок опутывают ноги. Сказка о лаптях гласит следующее...»^[х] (и далее следует текст № 133). По окончании сказки, подчеркивая ее социальное звучание, собиратель прямо указывает на пермяцкую природу текста: «В этой сказке, кроме притчи о хмеле, резко проглядывает взгляд простого крестьянина на «бояр»; хоть барин и богат, и умным считается, но крестьянин себе на уме, – думает: и я кое-что смыслю, да, пожалуй, и получше тебя... Но вот есть у *пермяков* (курсив наш. – Т.И.) убеждения и не такого невинного свойства» (там же). Далее Н.Н.Блинов, священнослужитель, с неодобрением говорит об обычае предсмертного крещения в реке среди пермяков-раскольников. Таким образом, как нам кажется, у нас есть все основания вывести сказку № 133 из раздела русских сказок.

Во-вторых, в некоторых сказках из записей учеников Елабужского реального училища (№ 117–126), также помещенных среди русских сказок, на наш взгляд, прочитывается удмуртская природа текстов. Сказка № 125 – это контаминация сюжетов СУС 1881 (Журавли на веревке) + (1408) (Муж выполняет работу жены). Текст представляет собой невыразительно рассказанную (или неумело записанную) сказку анекдотического характера. Повествованию придан обычный прием «достоверности» рассказа: «В деревне Вотском Гондыреве, Елабужского уезда, есть вотяк старик». Героем здесь является сын вотяка. Мотив с журавлем, похищающим с поля горох, характерен для удмуртского фольклора. В тексте № 42 из сборника «Удмуртские народные сказки» (Ижевск, 1948) он является, например, зачинообразующим для сюжета СУС 563 (Чудесные дары): герой получает от пойманного журавля скатерть-самобранку, которую у него похищают; с помощью полученной от того же журавля чудесной плети он возвращает себе скатерть. В сказке № 10 из книги Н.Г.Первухина «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» (Вятка, 1889. Эскиз 4) вотяк сажает горох, журавли его воруют, вотяк поит их кумышкой, после чего отрезвевшие птицы уносят героя и т.д. Таким образом, как нам кажется, у нас есть все основания рассматривать зеленинский текст № 125 как русскоязычный пересказ удмуртской сказки.

Сказка № 126 из сборника Д.К.Зеленина на плутовские сюжеты СУС 1535 (Дорогая кожа) + 1528 (Сокол (соловей) под шляпой) также представляет собой неумело пересказанный вариант, где намечен диссонанс в образе главного героя. В нарушение русской традиции, герой не младший, а старший брат; в начале сказки он характеризуется как сильный, ловкий и трудолюбивый мужик. Зависть братьев, у которых всякая работа из рук валится, заставляет его пойти на серию обманов, характерных для плутовского героя. Не исключено, что такая разработка образа героя возникла под влиянием удмуртской сказочной традиции. Подобную трактовку образа героя мы находим в сказке № 54 из сборника «Удмуртские народные сказки» (Ижевск, 1948) и в одном из текстов сборника Б.Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии / Записаны, переведены и изложены Б.Гавриловым» (Казань, 1880. С. 136–139).

Наличие в сборнике «Великорусские сказки Вятской губернии» вотяцких сказок не случайно. Дело не только в том, что два народа – русские и удмурты – на протяжении веков жили бок о бок на территории Вятской губернии и издатель захотел отразить в своем сборнике фольклорную традицию обоих этносов. Важно то, что фольклорные традиции русских и удмуртов испытали взаимное влияние друг на друга. Сказочная традиция удмуртов весьма своеобразна^[xi]. Здесь жанр сказки смыкается с жанром мифологических рассказов. Для удмуртской традиции нормой является включение в сказку мифологических персонажей (вудмурт – водяной, нюлэсмурт – леший и т.д.), с которыми сказочный герой вступает в противоборство. В русском фольклоре, напомним, сказочные противники героя (Змей, Кашей, Сам-с-ноготок, Баба-Яга и др.) резко отграничены от мифологических (леший, водяной, домовый, банник и т.д.). В первых народ ощущает их фантастическую (выдуманную) природу; в существование вторых – верит. В одном художественном поле герои сказок и мифологических рассказов (быличек и бывальщин), как правило, не пересекаются. Соответственно и жанры сказки, и былички в русской традиции имеют ярко выраженное своеобразие: полнообъемность, установка на развлечение, развитые диалоги, формульность речи – в одном жанре; краткость, установка на достоверность и свидетельское показание, почти полное отсутствие диалогов и характерных формул – в другом.

Удмуртские же сказки, повторим еще раз, тесно связаны с мифологической традицией. Соседствование рядом с удмуртской сказочной традицией оказало определенное влияние на повествовательную традицию русских жителей Вятского края. Здесь, как демонстрирует сборник Д.К.Зеленина, мифологический рассказ склонен к включению в сферу сказки. Такова, например, полнообъемная, художественно яркая русская сказка «Леший и черти» (№ 2): леший помогает герою избавиться от солдатчины. Этот мотив известен во многих районах русской традиции. Нам важно подчеркнуть, что чаще всего он разрабатывается в жанре былички или бывальщины; в Вятском же регионе – в жанре сказки. Кстати, похожий сюжет популярен и в удмуртском фольклоре. В тексте из сборника «Мифы, легенды и сказки удмуртского народа / Литературная обработка Н.Кралиной» (Ижевск, 1995. С. 160–161) мужик помогает Обыде (дух леса) в борьбе с медведем, в награду Обыда приносит герою шапку, в которой оказывается нужная бумага на отсрочку от солдатской службы.

В зеленинском сборнике в форме, близкой к жанру сказки, разрабатываются и другие мотивы мифологических рассказов. Так, в русском тексте «Портной и черт» (№ 36) полнообъемно и по-сказочному многоэпизодно даются мотивы подмены чертом новорожденной девочки и женитьбы героя на похищенной чертями невесте. Эти мотивы, популярные в русском мифологическом фольклоре, хорошо известны и удмуртской сказочной традиции. В одном из текстов сборника «Мифы, легенды и сказки удмуртского народа» парень, например, вынужден жениться на невесте, которую ему навязывают Вожо; впоследствии оказывается, что это не девушка, а чурка (Там же. С. 163–164).

Тексты, возникшие на пересечении сказочной и мифологической традиций, весьма характерны для Вятского края и составляют существенный пласт материала «Великорусских сказок Вятской губернии» (см. № 10, 15, 17, 20, 40, 54, 65–68 и др.). Мы полагаем, повторяем еще раз, что определенную роль в этой черте русской вятской сказочной традиции сыграло соседство с удмуртским фольклором.

Второй характерной чертой сказочной традиции удмуртского народа является наличие в ней ярко выраженного этиологического начала. Телеология многих текстов, особенно сказок о животных, здесь нацелена на объяснение того, как появились на земле те или иные животные, птицы, рыбы, насекомые. В русской сказочной традиции, напротив,

этиологическое начало обычно отсутствует. В сказках же Вятской губернии, хотя и в неявной форме, этиологическая концовка порой проявляется. Так, в сказке «Про раков» (№ 107) на классический сказочный сюжет СУС 425 М (Жена ужа) героиня, узнав о гибели своего мужа-ужа, превращается в кукушку, а ее сын становится раком. Данный текст Д.К.Зеленин обозначил как «Легенда о происхождении раков», подчеркнув тем самым его этиологическую данность. Другая русская вятская сказка – «Ворона» (№ 71) – заканчивается объяснением, почему кукушка в лесу гнезда не вьет: потому что над нею совершен несправедливый суд птиц.

Сохранение этиологического начала, которое, без сомнения, когда-то играло важную роль в русской сказочной традиции, на территории Вятской губернии, мы полагаем, связано с соседством удмуртского фольклора. Удмуртская сказочная традиция, в стадиальном плане более архаичная, чем русская, способствовала, на наш взгляд, консервации в русском фольклоре отдельных древних черт.

Примечания

xii[i] Подробнее см.: Петряев Е. Люди, рукописи, книги: Литературные находки. – Киров, 1970. – С. 103–118.

xiii[ii] Зеленин Д.К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. – Юрьев, 1904.

xiv[iii] Блинов Н.Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (Дополнения к статьям о Карсавайском приходе) // Вятские губернские ведомости. – 1865. – 19 окт. – № 63.

xv[iv] Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г.Бараг, И.П.Березовский, К.П.Кабашников, Н.В.Новиков. – Л., 1979.

xvi[v] См.: Писатели Удмуртии: Библиографический справочник / Сост. А.Н.Уваров. – Ижевск, 1989. – С. 57–59.

xvii[vi] По-видимому, имеется в виду Георг Вихман, автор этнографических трудов о вотяках, печатавшихся в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».

xviii[vii] Сетеле Эмиль Нестор (1864–1935) – финский языковед, профессор Хельсинкского университета (1893–1929), президент Финской Академии наук (1913–1914). Основатель финно-угорского сравнительно-исторического языкознания. Разработал транскрипцию для финно-угорских языков.

xix[viii] Катанов Николай Федорович (1862–1922) – языковед и этнограф, исследователь тюркских языков и народов; член Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете с 1884 г., председатель Общества с 1899 г. Закончил восточный факультет Петербургского университета (1888); профессор Казанского университета (с 1893 г.). См. о нем.: Иванов С.Н. Н.Ф.Катанов (1862–1922). Очерк жизни и деятельности. – М.; Л., 1962; Алиева М.М. Жанры уйгурского фольклора. – Алма-Ата, 1989. – С. 21–26.

xx[ix] Борисов Т.К. Песни южных вотяков. – Ижевск, 1929.

xxi[x] Блинов Н.Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (Дополнения к статьям о Карсавайском приходе) // Вятские губернские ведомости. – 1865. 19 окт. – № 63. – С. 242.

xxii[xi] См. об удмуртской сказочной традиции: Яшин Д.А. Удмуртская народная сказка. – Ижевск, 1965.
